

А.В. Кириллов, И.С. Карабулатова

ЦЕНзуРА В ОСВЕЩЕНИИ ТЕМ ИНФОРМАЦИОННОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ И КОНФЛИКТА В НЕМЕЦКОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Рассмотрены ситуации с цензурой в Интернете в Германии. Предпринята попытка проследить и выявить причины развития контроля публикаций в социальных сетях. Даны характеристики медиапространства в Германии в целом и освещены попытки выхода на него новых участников. Изучены эффективность используемых методов контроля и общие тенденции развития медиапространства.

Ключевые слова: цензура, контроль СМИ, медиаимперия, фейкньюс, информация, дискурс массмедиа.

A.V. Kirillov, I.S. Karabulatova

CENSORSHIP IN THE COVERAGE OF TOPICS OF INFORMATION TENSION AND CONFLICT IN THE GERMAN INTERNET SPACE

Abstract. This article is devoted to the study of the situation with Internet censorship in Germany. an attempt has been made to trace and identify the reasons for the development of the control of publications in social networks. The article describes the characteristics of the media space in Germany as a whole and highlights the attempts of new participants to enter it. The effectiveness of the control methods used and the general trends in the development of the media space are studied.

Keywords: censorship, media control, media empire, false information, mass media discourse.

Несмотря на декларацию объективности, СМИ всегда находились и находятся под контролем, так как их создание, использование и развитие происходят в социальной среде и при непосредственном участии самих социальных акторов. Средства массмедиа плотно вплетены в общественные структуры и культуру, повышая уровень конфликтности [5; 2; 8], ставя проблему соотношения дискурса и текста [3]. Сегодня мы видим, что СМИ и интернет-платформы в разных странах неприкрыто и жестко контролируются государственными и наднациональными структурами различного типа [4; 14; 18], формируя заданное оценочное отношение к тем или иным событиям в обществе.

Рынок немецкой прессы называют олигополией, где большинство изданий представлены 11 крупнейшими семьями или издательскими группами. Более 60 % рынка журналов в Германии представлено всего пятью крупнейшими издательствами, а газеты на 99,5 % печатаются в пяти группах издательств. В исследовании рынка немецкой прессы специалисты фиксируют ограничение разнообразия. Это касается и электронных версий журналов и газет. Такая тенденция связана с оптимизацией издательского бизнеса, когда региональные редакции полностью закрываются, а все материалы для местных газет поступают из центральных редакций в крупных городах.

Кириллов Андрей Викторович

аспирант, Югорский государственный университет, город Ханты-Мансийск. Сфера научных интересов: конфликтология, германистика, конфликтогенный дискурс. Автор 2 опубликованных научных работ.

Электронный адрес: kirillov.msc@gmail.com

Карабулатова Ирина Советовна

доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории машинного обучения и семантического анализа Института искусственного интеллекта МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва; эксперт кафедры машинного обучения и цифровой гуманитаристики. Московский физико-технический институт (Национальный исследовательский университет), город Долгопрудный. Сфера научных интересов: психолингвистика, цифровая гуманитаристика. Автор более 290 опубликованных научных работ.

Электронный адрес: radogost2000@mail.ru

Наша статья ставит задачу выяснить положение электронных СМИ в Германии сегодня. Декларирование свободы слова и демократии в западных странах вступает в противоречие с теми реалиями, которые мы наблюдаем на фоне освещения российско-украинского противостояния [19], а также в создании «окна Овертона» для переоценки событий прошлого, как правило, в аспекте манипулемы обесценивания [14; 6], что ставит закономерным вопрос о реализации цензурных стратегий в современных массмедиа. Действует в Интернете в Германии цензура или нет? Каковы причины возникновения системы контроля? Носит ли этот контроль политический характер, или это общественный консенсус? В нашей статье предприняты попытки дать ответы на эти вопросы.

Федеральная ассоциация коммуникаторов (основана в 2003 году), Федеральная ассоциация цифровой экономики (основана в 1995 году), Snetz (основана в 2012 году сторонниками и членами партий ХДС/ХСС), D64 – Центр цифрового про-

гресса (основана в декабре 2011 года, близка партии СДПГ), Ассоциация журналистов Германии (DJV, основана в 1949 году, крупнейшая ассоциация в Европе, 30 000 членов), ЕСО – Ассоциация электронной коммерции (основана в 1995 году), FIF – Форум компьютерных ученых за мир и социальную ответственность (основан в 1984 году) и другие организации написали открытое письмо 11 февраля 2020 года федеральному министру юстиции К. Ламбрехт, в котором обратили внимание на нарушения свободы слова и мнений предусмотренными мерами контроля в сети, на отсутствие и нежелание провести дебаты о работе закона. В письме организации просили пересмотреть закон и проекты изменений по причинам отсутствия доступа научного сообщества к данным, подтверждающим необходимость ужесточения контроля в сети.

Этимологически понятие «Kontrolle» (нем. «контроль») пришло в немецкий язык из французского в XVIII веке и обозначало список, исходный список. Речь тогда шла

о проверке записей в административных актах, как можно сформулировать сегодня. Уже тогда слово «контроль» имело значение, связанное с надзорными функциями государства. Слово «контроль», понимаемое широко, часто употребляется вместо слова «цензура», которое имеет более узкое значение запрещения для действий СМИ. Так, например, сборник статей 2009 года о ситуации контроля над СМИ публикуется в Германии под заголовком «Medien unter Kontrolle» («СМИ под контролем») [13]. Контроль можно определить как процесс фильтрации, ограничения и оптимизации. Основанием для фильтрации потока информации может быть юридическая, религиозная или этическая сторона. Контроль может существенно ограничить свободу действий в медиапространстве и создать режим, при котором коммуникация состоится, но не будет эффективной вследствие возникающих когнитивных искажений [1; 9]. Эти рассуждения расширяют возможности определения контроля и цензуры и одновременно затрудняют дифференциацию этих понятий. Исследователи предостерегают от восприятия самоочевидных определений или определений, навязанных обществом: так вряд ли можно понять природу явления, надзорно-разрешительная она или конструктивно-селективная [12; 15].

Важно согласиться, что существует две диаметрально отличные точки зрения общества на контроль в Интернете. С одной стороны, контроль всегда одобрен в отношении политических противников, недружественных культур, но если в опасности оказывается собственная социальная среда, то контроль однозначно осуждается. Немецкие исследователи разграничивают цензуру в Интернете и контроль коммуникации во всемирной сети. По их замечанию, тему цензуры в сети часто связывают с национальным Интернетом в Китае, но

контроль не ограничивается случаями удаления или блокировки информации в поисковиках [12, pp. 69–91]. Ученые приводят другие примеры злоупотреблений:

1) недобросовестная оптимизация сайтов для лучшей индексации в поисковых системах;

2) экономический анализ сети со стороны властей в поисках случаев использования Интернета для коммуникации в частной торговле без уплаты налогов, Интернет используется как канал распространения;

3) раскрытие личных данных: так, Yahoo сообщает китайским властям личные данные пользователей, враждебно высказывающихся на платформе Webmailer;

4) широкий доступ вне сегрегации по возрасту: например, учащиеся в Баварии анализируют потоки информации на школьных компьютерах.

Контроль коммуникации в Интернете как в средстве распространения информации, контроль третьими лицами, ограничения текстов и областей общения – вот аспекты, которые в первую очередь выделяют профессор Блази и профессор Герман. Вмешательства могут быть со стороны государства с целью защиты граждан, конституционного строя, политического мира, имиджа страны от негативного влияния. Сюда же можно отнести защиту детей и подростков. Для частных предприятий актуальна защита репутации [12, pp. 88–78]. Интересен своей простотой пример контроля за контентом на сайте одной из крупнейших газет Германии, южно-немецкой газеты *Süddeutsche Zeitung*. Газета установила, что особенно часто проблемный контент в виде неуважительных комментариев и пр. под редакционными статьями появляется между 19:00 и 08:00 часами, и поэтому в это время суток комментарии отключили [12, p. 87].

Цензура в освещении тем информационной напряженности и конфликта
в немецком массмедийном дискурсе

Сегодня распространены следующие виды контроля в Интернете: наблюдение и фиксация контактов и данных пользователей, частичная блокировка контента, манипуляции с контентом. Блокировка контента может быть выполнена у самого клиента, в локальной сети (фирмы), у поставщика доступа в Интернет (ISP), в корневой сети (доступ внутри страны или из другой страны), на конкретном сервере.

Ограничение доступа к отдельным сайтам или контроль пакетов информации – операция простая и может выполняться в реальном времени. Контроль содержания текстов или изображений требует длительного семантического анализа. В контексте отслеживания токсичного контента, потенциально опасного для реципиента и/или общества и государства, как правило, используют семантический анализ, который в цифровой гуманитаристике является первостепенной задачей обработки естественного языка (Natural language processing, NLP), поскольку лежит в основе обучения искусственного интеллекта для составления шагов алгоритма автоматического понимания текстов. Этот алгоритм заключается в установлении характера семантических отношений с последующей формализацией семантического представления текстов. В широком смысле семантическое представление выступает как граф или семантическая сеть с присущей ей бинарностью отношений между двумя узлами – смысловыми единицами текста. Также есть практика назначения тегов самостоятельно создателями контента в соответствии с Internet Content Rating Association (ICRA). Фильтрация контента в сети на уровне государства может выполняться через ограничения в поисковых механизмах. Поисковики при этом ссылаются на законодательные ограничения соответствующе-

щего государства. Фильтрация контента также выполняется путем корректировки системы DNS, когда определенные сайты не открываются или заменяются другими. Контроль содержания в реальном времени на национальном уровне выполнить сложно (DPI), но возможен контроль по ключевым словам с добавлением нежелательных адресов в черные списки.

Современные журналистские расследования о свободе мнения в Германии и цензуре в сети часто ссылаются на отчеты организации Freedom House, более 50 % финансирования которой приходится на гранты правительства США [17]. Freedom House в докладе за 2020 год «Freedom on the Net» пришла к выводу, что в результате пандемии в мире в целом ограничения в сети усилились. В докладе отслеживалась ситуация в 65 странах, в 26 из которых ситуация ухудшилась. Речь идет об ограничении доступа к информации в сети, о блокировке оппозиционных сайтов и о создании систем наблюдения за коммуникацией в сети. Согласно докладу, Германия по свободе Интернета от цензуры достигла 80 пунктов из 100 и заняла четвертое место в рейтинге. По показателю ограничения контента немецкий Интернет набрал 30 пунктов из 35, что связано с требованиями Закона о сетях (Netzwerkdurchsetzungsgesetz), который требовал удаления информации в социальных сетях. Закон был принят 1 октября 2017 года для более эффективной борьбы с призывами к вражде, расизму, агрессии и другим противоправным действиям. Стоит заметить, что указанный закон был принят в нестандартном для Европейского союза порядке. Акт предварительно не был согласован с Европейским судом и не был в установленном порядке одобрен Еврокомиссией [24]. Закон в первой редакции противоречил принципу страны проис-

хождения из Директивы об электронной коммерции (E-Commerce-Richtlinie) Евросоюза. По этому принципу к YouTube, например, применимы законы Ирландии, то есть по месту регистрации. Федеральное министерство юстиции и защиты прав потребителей Германии (BMJV) в проекте Закона о внесении изменений в закон о сетях (NetzDGÄndG-E) уточнили, что юрисдикция немецких властей в отношении сетей с услугами распространения видео из других стран Евросоюза может наступить только после проведения консультаций с властями стран, где зарегистрированы эти сети.

Важно отметить, что процесс принятия законов о блокировке доступа к неприемлемому контенту в Интернете начался в Германии в далеком 2008 году именно по причине нежелания со стороны социальных сетей сотрудничать с полицией в силу отсутствия соответствующей законодательной базы [16]. Ранее, например, для блокировки сайта, распространяющего незаконный контент, полиция была вынуждена блокировать сервер целиком, то есть одновременно несколько тысяч сайтов. И в 2009 году основных немецких интернет-провайдеров пригласили подписать договоры с Федеральным ведомством уголовной полиции Германии о мерах по затруднению доступа к сайтам с сексуальной эксплуатацией детей и подростков [22]. В феврале 2010 года в Германии был принят соответствующий федеральный закон. Критики закона настаивали, что борьба с подтверждениями сексуального насилия в отношении несовершеннолетних не имеет ничего общего с преследованием и предотвращением подобных преступлений, а закон приведет к злоупотреблениям и нарушениям прав граждан [10]. В 2009 году со 133 778 подписями в немецкий парламент была подана петиция № 3860

против цензуры в Интернете. Противоправные действия сексуального характера в отношении детей, любые проявления расизма, экстремизма или антисемитизма очень жестко закреплены в уголовном праве Германии и успешно применялись ранее, в том числе в отношении действий в Интернете.

После убийства политика ХДС Вальтера Любке 2 июня 2019 года и антисемитского нападения в Галле 9 октября того же года правительство Германии решило ужесточить контроль за призывами к подобным преступлениям в социальных сетях. После изменений в феврале 2020 года социальные сети обязаны сообщать криминальной полиции Германии о публикациях с оскорблениями, угрозами, клеветой, призывами к правому экстремизму и ненависти, удалять эти публикации, а также сообщать IP-адреса и пароли этих пользователей, что связано с требованиями Закона о социальных сетях (Netzwerkdurchsetzungsgesetz). Также закон обязывает интернет-платформы предоставлять отчет о проведенной за год работе в рамках данного закона.

Также вызывает вопросы требование передачи паролей пользователей, что означает хранение личной информации в незашифрованном виде, и тогда эти данные могут быть легкой добычей интернет-преступников или хакеров. Неясно, как будет гарантирована конфиденциальность источников журналистов, а создание полицейской базы данных подозрительных пользователей, создание групп или каталогов по различным признакам – все это в письме представители общественности и научных кругов назвали эрозией правового государства в Германии. В открытом письме также напомнили министру, что датская организация Justitia опубликовала доклад в ноябре 2019 года, где сообщила о создании немцами прототипа цензуры

Цензура в освещении тем информационной напряженности и конфликта в немецком массмедийном дискурсе

в сети в виде закона NetzDG в 2017 году. В докладе зафиксировали, что еще в 13 странах мира после немцев были приняты аналогичные законы и во многих странах прямо ссылались при обсуждении на закон NetzDG [25].

1 октября 2020 года организация Justitia опубликовала вторую часть своего доклада о свободе в Интернете в мире в свете примера Германии. Общее количество стран, принявших аналогичные законы о контроле за публикациями в сети, увеличилось почти в два раза и составило 25 [21]. Германия как самая сильная демократия Европы послужила примером и для авторитарных, и для демократических стран. Появился четкий тренд, когда правительства при помощи размытых формулировок о недостоверной информации (fake news) и распространения ненависти принуждают к ответственности за контент социальные платформы.

Что касается собственно политической цензуры немецкого правительства, то здесь обращает на себя внимание пример удаления на немецкоязычном YouTube интервью с критиками действий немецкого правительства по профилактике коронавируса. В частности, речь идет про удаленные материалы канала RussiaToday DE (RT DE) с участием эпидемиолога Ф. Пюрнера, раскритиковавшего действия баварского правительства в условиях пандемии. Интервью с ним было удалено под предлогом распространения ложной или недостоверной информации [11]. Затем были полностью заблокированы и сами каналы RussiaToday DE и канал *Der Fehlende Part (DFP)*, управляемый RT DE. Пресс-секретарь немецкого правительства Стеффан Зейберт сообщил, что эти блокировки являются исключительно самостоятельным решением компании YouTube, и Германия лишь примет эти действия к сведению

[20]. Таким образом, RT на немецком языке публиковал видео на платформе, где глава окружного отдела здравоохранения критически высказывался об антиковидной политике Германии, после чего канал RT DE был полностью заблокирован [27].

При обсуждении темы падения доверия граждан к прессе в Германии вытесняется проблема концентрации активов и власти [28, р. 45]. Для немецких СМИ в том числе интернет-изданий характерны сокращения рабочих мест, аутсорсинг и увеличение рабочей нагрузки [28, р. 6]. Крупные игроки все чаще скупают популярные местные издания. В результате читатель на разных уровнях и в разных источниках получает почти идентичный материал. Кризисные явления в журналистике усилены высокими барьерами на входе: открыть новую независимую газету практически невозможно – самая молодая немецкая газета берлинская *die Tageszeitung* вышла впервые в сентябре 1978 года.

Важно отметить, что почти три четверти своего оборота в 2019 году крупнейший издательский дом Германии Axel Springer SE достиг в электронной коммерции. Глава концерна М. Дёпфнер отметил, что компания намерена стать мировым лидером в электронной журналистике. Исследователи отмечают, что журналистику в современных изданиях сложно отличить от PR крупных компаний и контент-маркетинга издательских домов [28, р. 9]. Таким образом, современные немецкие издательства представляют собой концерны, в которых, помимо прессы, собраны десятки фирм, интернет-платформ и поставщиков самых различных коммерческих услуг. Конгломерат Bertelsmann SE & Co. KgaA, например, состоит из более 1200 предприятий. Медиаимперия Bertelsmann с годовым оборотом более 17 млрд евро также известна своим одноименным фон-

дом. Фонд Bertelsmann насчитывает более 300 сотрудников, и с 1977 года в собственность фонда было передано 77 % акций медиаимперии. Фонд заявляет о себе как о неполитической и некоммерческой организации, но степень вовлеченности фонда в региональные и федеральные процессы принятия решений и программы указывает на обратное [23]. Через собственные теле- и радиоканалы, газеты, журналы, интернет-платформы корпорация транслирует собственный неолиберальный дискурс [26].

В немецком общественном дискурсе ограничения, контроль, механизмы принуждения социальных сетей рассматриваются в отрыве от политики, якобы нет политической дискуссии в социальных сетях. При этом ограничения и контроль связываются исключительно с защитой детей, подростков, с расизмом или с оскорблением на религиозной основе. В рамках исследования глобальной политизации социальных сетей кандидат политических наук С.Н. Федорченко, напротив, фиксирует, что подрыв доверия граждан к традиционным политическим институтам в Европе вызвал активное развитие сообществ в социальных сетях и видеохостинге именно

с целью продвижения политических интересов [7].

Закон о сетях NetDG 2017 года в Германии развивает в сетях оверблокинг (Overblocking), когда под страхом многомиллионного штрафа платформа удаляет любой более или менее подозрительный с точки зрения закона контент, что не способствует укреплению ценностей демократии и свободы суждений. Под страхом жестких санкций возникнет чувство слежки и опеки, что не приведет в обществе к полноценному диалогу по сложным политическим вопросам. В Германии при ограничении или контроле коммуникации в сети уделили внимание побочным результатам таких мероприятий. Блокировки всегда связаны с административными расходами, поэтому ответственность частично перенесена на онлайн-платформы. Открытым остается вопрос об эффективности действий по контролю коммуникации. Наше исследование приходит к выводу о необходимости нового мышления в теме о цензуре и контроле СМИ: как показано в статье, СМИ находятся под контролем малочисленной суперсостоятельной группы, в интересах которой сохранить статус и капитал.

Литература

1. Боброва Л.А. Когнитивные искажения // Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия. 2021. № 2. С. 69–79.
2. Карабулатова И.С., Анумян К.С., Цинь М. Эмотивная категория «удивление» как лингвокультурологический маркер современного новостного дискурса // Пространство в языке и культуре. Ханты-Мансийск, 2021. С. 39–43.
3. Кириллов А.В. Дискурс и текст // Пространство в языке и культуре. Ханты-Мансийск, 2021. С. 44–48.
4. Мельникова О.А. Информационное обеспечение внешнеполитической деятельности современных государств: политологический анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2021. 31 с.
5. Никитин М.Ю., Устьянцева А.Д., Бородина Н.В. Лингвоконфликтность современного массмедийного дискурса России // Вестник Российского нового университета. Сер.: Человек в современном мире. 2021. Вып. 4. С. 81–90.

Цензура в освещении тем информационной напряженности и конфликта
в немецком массмедийном дискурсе

6. Савчук И.П., Карабулатова И.С. Мифолингвистическая интерпретация сакрального геополитонима «Сибирь» как окно «Овертона» в военном кинодискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2021. № 1(272). С. 116–125.
7. Федорченко С.Н. Глобальное исследование политизации социальных сетей // Обозреватель. 2016. № 8. С. 57–67.
8. Щетинина А.В., Кислицына А.Н. Язык насилия: вербальные репрезентанты новых форматов коммуникации // Вестник Российского нового университета. Сер.: Человек в современном мире. 2021. № 4. С. 117–123.
9. Цинь Мэн, Карабулатова И.С. Когнитивный диссонанс при передаче правил русского официально-делового этикета в китайском переводном кинодискурсе: на примере кинофильма «Служебный роман» // Известия Воронежского государственного университета. 2021. Т. 293. № 4. С. 209–214
10. Biermann K. Missbrauchsoffer gegen Netzsperrern // Die Zeit. URL: <http://www.zeit.de/online/2009/17/netzsperrern-missbrauch?page=all> (дата обращения: 13.02.2022).
11. Bonath S. Politische Zensur – oder: Wie der Westen das Denken beherrschen will. URL: <https://de.rt.com/meinung/124998-politische-zensur-oder-wie-westen-das-denken-beherrschen-will/> (дата обращения: 12.12.2021).
12. Bläsi Ch., German R. Facets of communication control on the Web / Buch A. Studien der Erlanger Buchwissenschaft XXXIII: Medien unter Kontrolle, Buchwissenschaft. Universität Erlangen-Nürnberg, 2009. Pp. 69–90.
13. Buch A. Studien der Erlanger Buchwissenschaft XXXIII: Medien unter Kontrolle, Buchwissenschaft. Universität Erlangen-Nürnberg, 2009. 198 p.
14. Gläβel Ch., Paula K. Sometimes Less is More: Censorship, NewsFalsification, and Disapproval in 1989 East Germany // American Journal of Political Science. 2020. Vol. 64. No. 3. Pp. 682–698.
15. Meier D. “No fearful censorship should hinder the free circulation of ideas” – The long struggle of German journalists against their controllers / Buch A. Studien der Erlanger Buchwissenschaft XXXIII: Medien unter Kontrolle, Buchwissenschaft. Universität Erlangen-Nürnberg. 2009. Pp. 32–41.
16. Meister A. Zugangserschwerungsgesetz: Eine Policy-Analyse zum Access-Blocking in Deutschland / Arbeit zur Erlangung des Akademischen Grades Master of Arts. Humboldt-Universität zu Berlin. 23.04.2011. URL: <https://cdn.netzpolitik.org/wp-upload/Master-Meister-Zugangserschwerungsgesetz.pdf> (дата обращения: 03.12.2021).
17. Oswald B., Kagermeier E., Heigl J. #Faktenfuchs: Wie frei kann man sich im Netz äußern? // Bayerischer Rundfunk. 24.09.2021. URL: <https://www.br.de/nachrichten/netzwelt/faktenfuchs-wie-frei-kann-man-sich-im-netz-aeussern,SjqnyJ1> (дата обращения: 1.12.2021).
18. Hok-Wui Wong S., Liang J. Dubious until officially censored: Effects of online censorship exposure on viewers’ attitudes in authoritarian regimes // Journal of Information Technology & Politics. 2021. Pp. 1–14.
19. Unwala Azhar, Ghorri Shaheen. Brandishing the Cybered Bear: Information War and the Russia-Ukraine Conflict // Military Cyber Affairs. 2015. No. 7(1). Art. 7.
20. DW на русском. О блокировке RT DE в YouTube и «медийной войне»: реакции в Москве и Берлине. 29.09.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yUEaxxyoSIQ> (дата обращения: 12.12.2021).

21. The Digital Berlin Wall: How Germany (Accidentally) Created a Prototype for Global Online Censorship – Act two // Justitia and authors, September 2020. URL: https://justitia-int.org/wp-content/uploads/2020/09/Analyse_Cross-fertilizing-Online-Censorship-The-Global-Impact-of-Germans-NetzDG-Enforcement-Act-Part-two_Final-1.pdf (дата обращения: 03.12.2021).
22. Kempf S. Fünf Provider unterzeichnen Vertrag zu Kinderporno-Sperren. 17.04.2009 // Heise online. URL: <https://www.heise.de/newsticker/meldung/Fuenf-Provider-unterzeichnen-Vertrag-zu-Kinderporno-Sperren-213668.html> (дата обращения: 03.12.2021).
23. Lieb W. Die Bertelsmann Stiftung und ihre Verflechtungen. 27.02.2007 // NachDenkSeiten – Die kritische Website. URL: <http://www.nachdenkseiten.de/?p=2144> (дата обращения: 13.02.2022).
24. Liesching M. Gilt das NetzDG für Facebook, Youtube und Twitter? 11.02.2020. URL: <https://community.beck.de/2020/02/11/gilt-das-netzdg-fuer-facebook-youtube-und-twitter> (дата обращения: 02.12.2021).
25. Schäfers Jörg-Olaf. Petition gegen Internetzensur: Kompakte Argumente // Netzpolitik.org. URL: <https://netzpolitik.org/2009/petition-gegen-internetzensur-kompakte-argumente/> (дата обращения: 03.12.2021).
26. Schuler T. Bertelsmannrepublik Deutschland – eine Stiftung macht Politik. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2010. S. 304.
27. Sebald C. Amtsarzt legt sich mit dem Freistaat an // Sueddeutsche Zeitung. 04.11.2020. URL: <https://www.sueddeutsche.de/bayern/aichach-amtsarzt-puerner-kritik-versetzung-1.5104412> (дата обращения: 14.01.2022).
28. Sumfleth U. Simulierte Diskurse. 2017. URL: http://downloads.sintfluth.de/files/Simulierte_Diskurse.pdf (дата обращения: 13.02.2022).

References

1. Bobrova L.A. (2021) Kognitivny`e iskazheniya [Cognitive distortions]. *Domestic and foreign literature*. Ser. 3: Philosophy. No. 2. Pp. 69–79. (In Russian).
2. Karabulatova I.S., Anumyan K.S., Qin M. (2021) E`motivnaya kategoriya «udivlenie» kak lingvokul`turologicheskij marker sovremennogo novostnogo diskursa [The emotive category “surprise” as a linguoculturological marker of modern news discourse]. *Space in language and culture*. Khanty-Mansiysk. Pp. 39–43. (In Russian).
3. Kirillov A.V. (2021) Diskurs i tekst [Discourse and text]. *Space in language and culture*. Khanty-Mansiysk. Pp. 44–48. (In Russian).
4. Melnikova O.A. (2021) Informacionnoe obespechenie vneshnepoliticheskoy deyatel`nosti sovremenny`x gosudarstv: politologicheskij analiz [Information support of foreign policy activities of modern states]. PhD thesis. Moscow. 31 p. (In Russian).
5. Nikitin M.Yu., Ustyantseva A.D., Borodina N.V. (2021) Lingvokonfliktogennost` sovremennogo massmedijnogo diskursa Rossii [Linguoconflictogenicity of the modern mass media discourse of Russia]. *Bulletin of the Russian New University*. Ser.: Man in the modern world. Iss. 4. Pp. 81–90. (In Russian).
6. Savchuk I.P., Karabulatova I.S. (2021) Mifolingvisticheskaya interpretaciya sakral`nogo geopolitonima «Sibir`» kak okno «Overtona» v voennom kinodiskurse [Mytholinguistic interpretation of the sacred geopolitonym “Siberia” as an “Overton” window in the military film discourse]. *Bulletin of the Adygea State University*. Ser. 2: Philology and Art Criticism. No. 1(272). Pp. 116–125. (In Russian).

Цензура в освещении тем информационной напряженности и конфликта
в немецком массмедийном дискурсе

7. Fedorchenko S.N. (2016) Global'noe issledovanie politizacii social'ny'x setej [Global study of the politicization of social networks]. *The Browser*. No. 8. Pp. 57–67. (In Russian).
8. Shchetinina A.V., Kislitsyna A.N. (2021) Yazy'k nasiliya: verbal'ny'e reprezentanty' novy'x formatov kommunikacii [The language of violence: verbal representatives of new communication formats]. *Bulletin of the Russian New University*. Ser.: Man in the modern world. No. 4. Pp. 117–123. (In Russian).
9. Qin Meng, Karabulatova I.S. (2021) Kognitivny'j dissonans pri peredache pravil russkogo oficial'no-delovogo e'tiketa v kitajskom perevodnom kinodiskurse: na primere kinofil'ma «Sluzhebny'j roman» [Cognitive dissonance in the transmission of the rules of Russian official business etiquette in the Chinese translated film discourse: on the example of the movie “Office Romance”]. *Bulletin Voronezh State University*. Vol. 293. No. 4. Pp. 209–214. (In Russian).
10. Biermann K. Missbrauchsoffer gegen Netzsperrern. *Die Zeit*. URL: <http://www.zeit.de/online/2009/17/netzsperrern-missbrauch?page=all> (accessed: 13.02.2022).
11. Bonath S. Politische Zensur – oder: Wie der Westen das Denken beherrschen will. URL: <https://de.rt.com/meinung/124998-politische-zensur-oder-wie-westen-das-denken-beherrschen-will/> (accessed: 12.12.2021).
12. Bläsi Ch., German R. (2009) Facets of communication control on the Web / Buch A. *Studien der Erlanger Buchwissenschaft XXXIII: Medien unter Kontrolle, Buchwissenschaft*. Universität Erlangen-Nürnberg. Pp. 69–90.
13. Buch A. (2009) *Studien der Erlanger Buchwissenschaft XXXIII: Medien unter Kontrolle, Buchwissenschaft*. Universität Erlangen-Nürnberg. 198 p.
14. Gläbel Ch., Paula K. (2020) Sometimes Less is More: Censorship, NewsFalsification, and Disapproval in 1989 East Germany. *American Journal of Political Science*. Vol. 64. No. 3. Pp. 682–698.
15. Meier D. (2009) “No fearful censorship should hinder the free circulation of ideas” – The long struggle of German journalists against their controllers / Buch A. *Studien der Erlanger Buchwissenschaft XXXIII: Medien unter Kontrolle, Buchwissenschaft*. Universität Erlangen-Nürnberg. Pp. 32–41.
16. Meister A. (2011) Zugangerschwerungsgesetz: Eine Policy-Analyse zum Access-Blocking in Deutschland / Arbeit zur Erlangung des Akademischen Grades Master of Arts. Humboldt-Universität zu Berlin. URL: <https://cdn.netzpolitik.org/wp-upload/Master-Meister-Zugangerschwerungsgesetz.pdf> (accessed: 03.12.2021).
17. Oswald B., Kagermeier E., Heigl J. (2021) #Faktenfuchs: Wie frei kann man sich im Netz äußern? // Bayerischer Rundfunk. URL: <https://www.br.de/nachrichten/netzwelt/faktenfuchs-wie-frei-kann-man-sich-im-netz-aeussern,SjqnyJ1> (accessed: 1.12.2021).
18. Hok-Wui Wong S., Liang J. (2021) Dubious until officially censored: Effects of online censorship exposure on viewers' attitudes in authoritarian regimes. *Journal of Information Technology & Politics*. Pp. 1–14.
19. Unwala Azhar, Ghori Shaheen (2015) Brandishing the Cybered Bear: Information War and the Russia-Ukraine Conflict. *Military Cyber Affairs*. No. 7(1). Art. 7.
20. DW na russkom. O blokirovke RT DE v YouTube i «medijnoj vojne»: reakcii v Moskve i Berline. 29.09.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yYEaxxyoSIQ> (data obra-shneniya: 12.12.2021) (In Russian).

21. (2020) The Digital Berlin Wall: How Germany (Accidentally) Created a Prototype for Global Online Censorship – Act two. *Justitia and authors*. URL: https://justitia-int.org/wp-content/uploads/2020/09/Analyse_Cross-fertilizing-Online-Censorship-The-Global-Impact-of-Germanys-Network-Enforcement-Act-Part-two_Final-1.pdf (accessed: 03.12.2021).
22. Kempl S. (2009) Fünf Provider unterzeichnen Vertrag zu Kinderporno-Sperren. *Heise online*. URL: <https://www.heise.de/newsticker/meldung/Fuenf-Provider-unterzeichnen-Vertrag-zu-Kinderporno-Sperren-213668.html> (accessed: 03.12.2021).
23. Lieb W. (2007) Die Bertelsmann Stiftung und ihre Verflechtungen. *NachDenkSeiten – Die kritische Website*. URL: <http://www.nachdenkseiten.de/?p=2144> (accessed: 13.02.2022).
24. Liesching M. (2020) Gilt das NetzDG für Facebook, Youtube und Twitter? URL: <https://community.beck.de/2020/02/11/gilt-das-netzdg-fuer-facebook-youtube-und-twitter> (accessed: 02.12.2021).
25. Schäfers Jörg-Olaf. Petition gegen Internetzensur: Kompakte Argumente. *Netzpolitik.org*. URL: <https://netzpolitik.org/2009/petition-gegen-internetzensur-kompakte-argumente/> (accessed: 03.12.2021).
26. Schuler T. (2010) *Bertelsmannrepublik Deutschland – eine Stiftung macht Politik*. Frankfurt am Main: Campus Verlag. S. 304.
27. Sebald C. (2020) Amtsarzt legt sich mit dem Freistaat an. *Sueddeutsche Zeitung*. URL: <https://www.sueddeutsche.de/bayern/aichach-amtsarzt-puerner-kritik-versetzung-1.5104412> (accessed: 14.01.2022).
28. Sumfleth U. (2017) Simulierte Diskurse. URL: http://downloads.sintfluth.de/files/Simulierte_Diskurse.pdf (accessed: 13.02.2022).